

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 165.12, 167.5

DOI: 10.17223/1998863X/53/1

М.В. Гончаренко, Н.А. Лукьянова

НЕИЗВЕСТНОЕ ЗНАНИЕ И СХЕМЫ, ЕГО КОНСТИТУИРУЮЩИЕ (СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО)¹

Рассмотрены процессы конституирования неизвестного знания. Высказано предположение о том, что образ будущего (его когнитивная схема) – это один из возможных вариантов, который в том или ином виде (как элемент схемы) присутствует в актуальной реальности субъекта познания. В исследовании также представлен анализ различных эпистемологических подходов к проблеме формирования схем неизвестного знания в контексте семиозиса как социокультурного феномена.

Ключевые слова: схема, знание, интерпретация, будущее, У. Эко, Ч. Пирс.

История изучения процесса познания неоднократно сталкивалась с тем неприятным для нее фактом, что она и сама является непосредственным элементом этого познавательного процесса. Как совершенно справедливо отметил Н. Хомский, существует оптимизм в связи с новыми технологиями и возможностью анализа развития ментальных аспектов мира, но при этом не стоит забывать о «мраке», в котором продолжают пребывать изначальные тайны природы, и о которых нам так любезно напомнили вновь представители науки Нового времени [1. С. 134–135]. Гносеологическая попытка пересмотра оснований возможности нашего опыта всегда болезненна и неприятна, потому что приводит к выводу об антропоморфной природе знания, к так называемой антропоморфной аксиоме, в соответствии с которой мы видим Вселенную такой, какой мы только и можем ее видеть, и, следовательно, основания этого видения вновь вне зоны анализа: «...каждое научное объяснение естественного феномена является гипотезой о том, что в природе существует что-то, чему подобен человеческий разум; свидетельством этого могут служить все достижения науки... На фоне успехов науки... есть что-то зазорное... в постыдном бегстве от антропоморфной концепции вселенной» [2. С. 135].

Безусловно, в таком подходе есть нечто кантианское, раз мы указываем на возможность «тождества» между феноменом и гипотезой, к тому же возможность самого тождества имеет трансцендентальную природу [3. С. 463]. Тем не менее созерцание как единство понятия (*percipienda* (лат.) – то, что должно быть воспринято) становится воспринятым в том виде, в котором это возможно в определенной культуре, т.е. благодаря конкретной социокультурной практике [Там же. С. 437]. И в этой связи вновь возникает вопрос:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31182.

если *percipienda* – это тот вид, который обусловлен культурой, то как в принципе появляется какой-либо новый вид в той или иной культуре? Другими словами, что предшествует появлению нового вида *percipienda*?¹

Здесь мы вынуждены вернуться к вопросу об эмпирическом понятии и о его взаимоотношениях с объектом. Если согласиться с У. Эко в том, что «...схема эмпирического понятия объекта совпадает с понятием объекта, а потому *схема, понятие и значение отождествляются*» [3. С. 453], то нужно допустить некую эквивалентность понятия и объекта. Бесспорно, эквивалентность такого рода обусловлена конвенционально, но как это происходит, т.е. на основании чего это становится возможным? Проще говоря, почему мы вообще ищем / утверждаем эквивалентность между объектом и эмпирическим понятием? Данная проблема имеет преимущественно онтологический характер, но с точки зрения гносеологической² необходимость такого рода эквивалентности связана с возможностью когнитивной деятельности: так или иначе объект всегда дискурсивно обусловлен, так как он является элементом какой-то схемы (если продолжить процесс сегментирования этой схемы, то он и сам трансформируется в схему). Но как происходит совпадение понятия и объекта в схеме, представить можно только посредством анализа этой схемы, т.е. используя феномен контекстуальности или дискурсивности знания. Приближаемся ли мы к разрешению в этом случае онтологической проблематики, обозначенной выше, – нет; но с точки зрения гносеологической мы получаем дискурсивно обоснованную возможность дальнейшего следования в направлении конституирования³ нового знания.

Если существующая схема (конструкция) указывает на возможность своего использования, это не означает, что эта схема не может в дальнейшем претерпеть изменения, логично допустить, что и сама она является очередным шагом когнитивной деятельности, ведь любая такая схема – это не что иное, как культурная возможность, которой до этого не было. В связи с этим актуален вопрос: «...что происходит, когда нужно сконструировать схему еще не известного предмета?» [Там же. С. 455] (ведь на определенном этапе все предметы были неизвестны). Конечно, здесь мы непосредственно сталкиваемся с интерпретацией, так как интерпретировать нечто так, что оно является каким-то предметом, мы можем только на основании принципа рефлексии о предметах, – к такому выводу приходит И. Кант в Критике способности суждения [4]⁴, и именно это анализирует У. Эко, когда пытается ответить на

¹ Здесь мы не будем отдельно останавливаться на проблеме того, как в принципе в культуре становится возможным тот или иной вид, потому что, по-нашему мнению, нет принципиальной разницы между предпосылками / возможностями появления первого и последующих видов. Однако что здесь может быть действительно интересным, так это эпистемологические последствия появления нового вида в контексте конструирования / конституирования новых схем знания.

² Имеет смысл уточнить: преимущественно мы будем использовать в этой работе термин «эпистемология», так как речь пойдет в подавляющем числе случаев о знании как таковом; термин «гносеология» использован нами в этом конкретном случае с целью показать актуальность проблематики, связанной с самим процессом познания.

³ В данной статье мы сделали выбор в пользу термина «конституирование» (вместо термина «конструирование», на котором остановился У. Эко) по причине того, что для нас особо важен феноменологический аспект проблемы конституирования знания.

⁴ «Есть много законов природы, которые мы можем знать только посредством опыта, но закономерность в связи явлений... мы не можем познать ни из какого опыта, так как сам опыт нуждается в таких законах, на которых основывается *a priori* его возможность... мы знаем природу только как совокупность явлений, т.е. представлений в нас; поэтому мы можем получить закон связи этих явлений только из принципов их связи в нас, т.е. из условий такого необходимого соединения в сознании, которое дает возможность опыта», – к такому выводу приходит И. Кант в Прологах [5. С. 77–78].

вопрос о том, каким образом появляется новое знание [3. С. 457]. Все это как минимум возвращает нас к проблематике и инструментарию аналитической философии, в контексте которой мы должны провести разграничение между объектами и высказываниями (правда, на этом настаивал и сам И. Кант). Высказывание как репрезентация – это способ понимания, коммуникации, получения того, в чем есть необходимость, в каком-то смысле – это залог успеха (понимание, как и познание, – это сложный и необходимый путь субъекта познания, пройти который он может успешно только в случае использования соответствующих средств, к которым имеют прямое отношение язык и все те элементы, включая логическую структуру, которыми он пользуется при описании / создании мира субъекта познания). «Познание – это скорее способ, каким реальность осваивается... Следовательно, отношение между нашими высказываниями-утверждениями, претендующими на истинность, и происходящим в мире носит скорее каузальный, нежели репрезентациональный характер» [6. С. 37].

Частично приведенная дискуссия (И. Кант, Р. Рорти, У. Эко), во-первых, возвращает нас к тому, что реальность – не семантическая, а онтологическая проблема, поэтому познание имеет отношение к высказываниям. Во-вторых, вопрос, предложенный И. Кантом, по поводу того, «...не что такое собака, но что следует из того положения, когда высказывание „собаки являются животными“ истинно» [3. С. 440], – это одна из возможных иллюстраций тезиса о реальности и ее онтологической заданности. «Собака» как один из элементов (репрезентативной) схемы является элементом множества «животные», которое тоже относится к этой же схеме, и наконец-то эта схема имеет условия определения истинностных значений. Так вот, если эти условия совпадают, то утверждение «собаки – животные» является истинным. Но с самими условиями истинностных значений все намного сложнее, потому что границы эмпирических понятий изменчивы, мы постоянно прирастаем новыми знаниями, а границы постоянны только в факте своей подвижности. Здесь поэтому очень важным является соотношение «эмпирических понятий» и «потенциальной бесконечности знания» [Там же. С. 441]. Эмпирическое понятие получает значение и наделяется смыслом только в том случае, если потенциально бесконечный поток знания остановлен / зафиксирован в какой-то точке, поэтому собака – это животное, а животное – это существо, которое обладает такими-то признаками, которые характерны для живой природы, и в этом контексте мы никак не можем использовать знание (современные представления биологии, экологии и пр.), в соответствии с которым мы не знаем, где проходит граница между живой и неживой материей. Если мы учли бы этот современный тренд, то, вероятнее всего, наша «собака» не только превратилась бы в сверхсложное атомарно-молекулярное облако, но и получила какие-то дополнительные качества неживой материи, что окончательно исключило бы ее из схемы животных. Следовательно, значение и смысл означаемого определяются схемой, условия возможности которой зависят от актуальности той или иной логической схемы, репрезентацией которой является язык¹.

¹ Поскольку в данной работе не преследуется цель выявить степень влияния критической философии И. Канта на проблематику аналитической философии, мы не будем на этом останавливаться подробно. Однако, безусловно, анализ эмпирических понятий и их «взаимодействия» с предметом априорного синтеза в Критике чистого разума имел значительное влияние на формирование повестки аналитической философии.

Логические функции рассудочных понятий [5. С. 83–84], которые нужны для создания схемы в эмпирических понятиях, можно определить как отношение между объектами и самой возможностью понятий чистого рассудка. Чистому рассудку необходимо не только чувственное созерцание, но и понятия тех объектов, на которые он направлен [3. С. 443]. О чем нам это говорит, можно увидеть из следующего. Для описания процесса конституирования схемы нашим рассудком У. Эко [Там же] неоднократно обращается к описанию этого кантианского процесса у В. Матьё [7]¹, где утверждается, что невзирая на то, что рассудок определенным образом упорядочен категориями, он всегда действует стихийно, преимущественно не впадая в противоречия и выстраивая то, что может быть помыслено. Таким образом, создание какого-либо объекта, конституирование той или иной его схемы – результат взаимодействия категорий рассудка и эмпирических понятий, возможность которого обусловлена логическими функциями рассудочных понятий (риском предположить, что эта логическая функция имеет отношение как раз к так называемой стихийной деятельности, осуществляемой рассудком). Поскольку эмпирическое понятие всегда исторично, постольку нет ничего необычного в его перманентной трансформации, в которой активное участие принимают чистые понятия рассудка с учетом логических функций. Другими словами, энциклопедичность знания с учетом ее исторического развития обуславливает разные схемы восприятия слона / единорога / дракона и так далее на разных исторических этапах (и в различных типах дискурса). Однако при этом сохраняется вопрос об основании перманентной трансформации эмпирических понятий.

По-нашему мнению, один из наиболее оригинальных и прогрессивных ответов на этот вопрос предложил в начале XX в. Э. Кассирер, который допустил непрерывность физических изменений в качестве возможного основания познания, т.е. мы должны в своих рассуждениях исходить из того, что нет отдельных схем различных объектов, а есть различные схемы одного и того же объекта, трансформация которого не имеет финального этапа [9] (это заключение в духе философии позднего Канта, который на этом этапе неоднократно ссылался на субстанциализм Спинозы). «Полная система научных дефиниций была бы в то же время полным выражением субстанциальных сил, господствующих над действительностью» [10. С. 17]. Это заключение Э. Кассирера вполне коррелирует с современными установками физиков: «Принцип неопределенности (принцип Вернера Гейзенберга. – М.Г.) гласит, что вопреки убеждению Лапласа природа накладывает определенные ограничения на нашу способность предсказывать будущее на основании законов науки» [11. С. 109].

Однако здесь многое зависит от того, какой вариант *оснований* системы знания мы предпочитаем вслед за исторически приоритетной сегодня или завтра научной парадигмой. Следуя логике рассуждения И. Канта относительно того, что рассудок предписывает свои законы природе, а не черпает их из нее, К. Поппер усиливает ее следующим образом: «...рассудок не черпает свои законы из природы, а пытается... предписать природе законы, которые

¹ Аспект видения В. Матьё, кстати, достаточно сильно напоминает нам другой известный подход к созданию такого рода схем: концепцию языковых игр Л. Витгенштейна [8], которая исходит из фактической автономии когнитивных схем, репрезентированных языком, и мира.

он свободно изобретает» [12. С. 15]. Понятно, что изобретение приводит к вопросу о возможности самого этого изобретения: по сути, мы сталкиваемся здесь с реальностью в виде неразрешимого парадокса между детерминизмом и индетерминизмом, каждый из которых обладает своим собственным *pro* и *contra*¹. Концепция фальсификации знания К. Поппера в какой-то мере является одним из возможных вариантов решения проблемы столкновения теории и реальности, хотя ее автор неоднократно возвращался к идее возможности *объективного* знания: «...Знание в объективном смысле есть *знание без того, кто знает*: оно есть *знание без субъекта знания*» [13. С. 111]. Тем не менее бесспорным остается тот факт, что при любом варианте предпочтения, т.е. при участии в любой социокультурной практике, субъект познания так или иначе (на основании использования тех или иных инструментов познания) продуцирует определенную картину реальности как глобальную схему отношений входящих в нее элементов. Эта схема имеет вариативную природу в силу многих причин, одной из которых является методологическое основание того исследования, которое обусловило конституирование именно этой схемы [14].

И все-таки вопрос Ч. Пирса по-прежнему актуален: «Может ли знак иметь какое-либо значение, если по своему определению он является знаком чего-то абсолютно непознаваемого?» [2. С. 41]. Попробуем определиться с возможным контекстом такого непознаваемого. Например, «непрерывность физических изменений», о которых писал Э. Кассирер в связи с предпосылкой познания природы [9], – это «абсолютно непознаваемое» в контексте теории познания, предусматривающей познаваемость Субстанции исключительно в купированном виде (то, что И. Кант называл субстанциализмом Спинозы). Следовательно, «непрерывность физических изменений» – это условие создания схемы чего-то, которое при этом не является элементом данной схемы². Конечно, структурность схемы мы можем менять неоднократно, но вряд ли это поможет нам определиться с пониманием «непрерывности физических изменений», которое является схемообразующим фактором. Нечто подобное описывает У. Эко, когда вспоминает свою дискуссию с коллегой по поводу понятия «граница» [3. С. 490–491]: «...не ясно, каково отношение между границей и сущностью, которую эта граница отграничивает... Некоторые сущности начинают существовать только в тот момент, когда очерчивается их граница... (рассуждение коллеги У. Эко. – М.Г.)», но и «...с моей точки зрения, иными словами в определенном отношении... эти пустые пространства меня не интересуют, а потому не существуют для меня» [Там же. С. 495]. Другими словами, конвенционалистский подход при решении данной проблемы является наиболее вероятным и приемлемым методом, поскольку уровень непознаваемости устанавливается (в любой схеме знания) самим субъектом

¹ В качестве примера приведем следующее рассуждение К. Поппера: «Разумеется, некоторые изменения в мире обусловлены нашими экспериментами, и это существенно для нас как с практической, так и с теоретической точки зрения. Если же, однако, некто позволяет себе такую точку зрения на мир или на науку, которая определена или даже окрашена возмущениями, созданными его собственным опытом, то этот некто, как мне представляется, обнаруживает что-то похожее на симптом либо миопии, либо мегаломании. Переходы от возможного к действительному и квантовые взаимодействия происходили задолго до того, как кто-то во что-то вмешался, и так будет и после того, как мы перестанем во что-либо вмешиваться» [12. С. 138–139].

² Безусловно, мы вплотную приблизились к парадоксу теории множеств, но цель и рамки данной работы не предусматривают возможности ее обсуждения.

познания [15], хотя списывать со счетов роль трансцендентальных факторов и трансцендентной природы факта никогда не стоит.

Если учитывать, что процесс семиозиса развивается в мире фактов, то из этого следует, что факт, являясь «динамическим объектом» (Ч.С. Пирс), бесконечно познаваемым с точки зрения объективной науки [16], обладает трансцендентной природой. Прежде всего обратим внимание на возможность схемы, в соответствии с которой динамический объект эквивалентен «нечто» как объекту изображения (Ч.С. Пирс); именно эта схема обуславливает различные интерпретации. Иными словами, множество интерпретаций – это следствие динамичности объекта, определяющего фактуальный континуум как дискурс понятия того *нечто*, что является объектом изображения. Различные интерпретации упорядочивают мир по-разному, в соответствии с той семантикой и прагматикой, которая для них по каким-то причинам является рациональной, тогда как факт, будучи неким положением дел, либо поддерживает их, либо не поддерживает. Если следовать мысли Ч. Пирса об организации факта субъектом познания («Я»), необходимо признать, что предикат внешнего опыта таким-то образом конституируется внутренним опытом (ощущение определяется внутренними условиями)¹.

Однако как именно происходит это конституирование: «...как происходит процесс производства образов... Третья волна² не просто ускоряет информационные потоки, она трансформирует глубинную структуру информации, от которой зависят наши ежедневные действия» [18. С. 266]. Если вслед за И. Пригожиным мы допустим соединение случайного и необходимого, а также их взаимодействие («открытая Вселенная»), то мы не сможем игнорировать новые собирательные образы как новые метафоры для понимания действительности [Там же. С. 497–499]. При этом мы должны помнить, что такого типа трансформации и метафоры не могут происходить и появляться в каких-то отдельно взятых и изолированных сферах социальной жизни. Процесс семиозиса вовлекает в свою орбиту все области социокультурного бытия субъекта познания, поэтому трансформация эпистемологическая обуславливает трансформацию онтологическую, идеологическую, физическую, химическую, социальную и т.д.: «открытая Вселенная» предоставляет нам неисчерпаемые возможности для трансформации старого и получения нового. Взаимообусловленность символических и когнитивных элементов, которые формируют модели будущего, создает, таким образом, многомерную реальность субъектов [19. С. 37], неотъемлемым элементом которой является и схема неизвестного объекта.

Литература

1. Хомский Н. О природе и языке. М. : КомКнига, 2005.
2. Пирс Ч.С. Избранные произведения. М. : Логос, 2000.
3. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М. : Академический проект, 2016.

¹ Обращаясь к трансцендентной природе факта, нужно отметить, что этой характеристикой факт обладает по причине субъектно-объектной взаимосвязи: все сущее, как бы оно ни конституировалось конституально субъектом познания, в своей целостности трансцендентно [17].

² Третья волна – это термин Э. Тоффлера, введенный им в одноименной работе. Этим термином он обозначил новое социокультурное состояние общества (постиндустриальное общество), которое пришло на смену двум предыдущим, обозначенным им как Первая волна (аграрное общество) и Вторая волна (индустриальное общество), и которое заявило о себе приблизительно со середины XX в.

4. Кант И. Критика способности суждения. М. : Искусство, 1994.
5. Кант И. Прологомены. М. : Академический проект, 2008.
6. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017.
7. Mathieu V. La filosofia trascendentale e l'Opus postumum di Kant. Torino, 1958.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования. М. : АСТ, 2018.
9. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2013.
10. Кассирер Э. Познание и действительность. СПб. : Шиповник, 1912.
11. Хоккинг С., Млодинов Л. Кратчайшая история времени. М. : АСТ, 2018.
12. Поннер К. Квантовая теория и раскол в физике. М. : Логос, 1998.
13. Поннер К. Объективное знание. М. : Эдиториал УРСС, 2002.
14. Гончаренко М.В., Гончаренко В.Н. Обусловленность концептуального каркаса феноменом трансцендентности факта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 5–10.
15. Eco U. Kant and the platypus. London : Vintage, 2000.
16. Peirce C.S. The Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Cambridge : Harvard University Press, 1932. Vol. II: Elements of Logic.
17. Heidegger M. Was ist Metaphysik? Frankfurt. a. M. : Klostermann, 1967.
18. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2002.
19. Лукьянова Н.А., Фелл Е.В., Сиберс Й.И. Динамика конструирования образов будущего: исследование проблемы // Вестник науки Сибири. 2015. № 2 (17). С. 37–46.

Mark V. Goncharenko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: markgon73@rambler.ru

Natalia A. Lukianova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: lukianova@tpu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 53. pp. 5–12.

DOI: 10.17223/1998863X/53/1

UNKNOWN KNOWLEDGE AND PATTERNS CONSTITUTING IT (THE SYSTEMATIZATION OF IMAGES OF THE FUTURE)

Keywords: scheme; knowledge; interpretation; future; Umberto Eco; Charles S. Peirce.

The article discusses the processes of constitution of unknown knowledge. The authors suggest that the image of the future (its cognitive pattern) is one of the possible options manifesting in one form or another (for example, as an element of a pattern) in the actual reality of the subject of knowledge. In addition, the research presents an analysis of various epistemological approaches to the problem of the formation of patterns of unknown knowledge in the context of the semiosis of a sociocultural phenomenon. In this article, the research focuses on the process (and its possible grounds) of creating / constituting new knowledge in the context of the transformation of the dynamical object (Charles Pierce). The current hypothesis of this study is that new knowledge, along with the process of its constitution, is not only largely predetermined by previous knowledge and existing cognitive patterns, but, in the context of the “open universe” thesis (Ilya Prigogine), it is possible to assume that this kind of constitutions, as well as the possibility of new interpretations of previous (long-known) knowledge, are infinite. The aim of this research is to identify elements (percienda—an element that should be perceived) that can be used in patterns that describe the future and extrapolate our current ideas/patterns of the image of future taking into account possible inaccuracies / errors, etc., revealed in the course of time (the problem of falsification of knowledge). Knowledge as one of the sociocultural phenomena and one of the types of social practices has a number of features that give it the opportunity to create rational schemes. The interpretation of the bases of such schemes depends on our interpretation of the problems associated with percienda. The following methods are used in the research: semiotic analysis and epistemological explication.

References

1. Chomsky, N. (2005) *O prirode i yazyke* [On nature and language]. Translated from English by P.F. Fedenko. Moscow: Kom Kniga.
2. Peirce, C.S. (2000) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from English by K. Golubovich, K. Chukhruidze & T. Dmitrieva. Moscow: Logos.

3. Eko, U. (2016) *Ot dreva k labirintu. Istoricheskie issledovaniya znaka i interpretatsii* [From the Tree to the Labyrinth: Historical Studies on the Sign and Interpretation]. Translated from Spanish by O. Popova-Ple. Moscow: Akademicheskii proekt.
4. Kant, I. (1994) *Kritika sposobnosti suzheniya* [The Critique of Judgement]. Translated from German. Moscow: Iskustvo.
5. Kant, I. (2008) *Prolegomeny* [Prolegomens]. Moscow: Akademicheskii proekt.
6. Rorty, R. (2017) *Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra* [The Historiography of Philosophy: Four Genres]. Translated from English. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya.
7. Mathieo, V. (1958) *La filosofia trascendentale e l'Opus postumum di Kant*. Turin: Edizioni di Filosofia.
8. Wittgenstein, L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Studies]. Translated from German by L. Dobroselsky. Moscow: AST.
9. Cassirer, E. (2013) *Zhizn' i uchenie Kanta* [Kant's Life and Thought]. Translated from German. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
10. Cassirer, E. (1912) *Poznanie i deystvitel'nost'* [Cognition and Reality]. Translated from German. St. Petersburg: Shipovnik.
11. Hocking, S. & Mlodinov, L. (2018) *Kratchayshaya istoriya vremeni* [A Brief History of Time]. Translated from English by A. Dambis. Moscow: AST.
12. Popper, K. (1998) *Kvantovaya teoriya i raskol v fizike* [Quantum Theory and the Schism in Physics]. Translated from English by A.A. Pechenkin. Moscow: Logos.
13. Popper, K. (2002) *Ob"ektivnoe znanie* [Objective Knowledge: An Evolutionary Approach]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
14. Goncharenko, M.V. & Goncharenko, V.N. (2015) The conditionality of conceptual carcass by the phenomenon of fact transcendence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(30). pp. 5–10. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863/30/1
15. Eco, U. (2000) *Kant and the platypus*. London: Vintage.
16. Peirce, C.S. (1932) *The Collected Papers*. Vol. 2. Cambridge: Harvard University Press.
17. Heidegger, M. (1967) *Was ist Metaphysik?* Frankfurt am Main: Klostermann.
18. Toffler, E. (2002) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Translated from English. Moscow: AST.
19. Lukyanova, N.A., Fell, E.V. & Sibers, Y.I. (2015) Dinamika konstruirovaniya obrazov budushchego: issledovanie problem [The dynamics of constructing images of the future: study of the problem]. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*. 2(17). pp. 37–46.